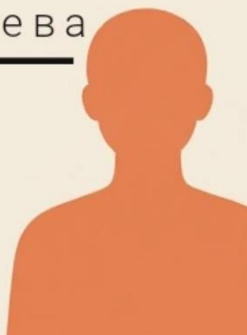

Элла Долгарева

Элла Долгарева

Тата теряет терпение

<https://litres.ru/73919329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лёша по кличке Солнышко думал, что устроился на обычную работу. Но вместо зарплаты ему выдали баллончик с кристальной водой, огурец как боевой артефакт и наставника с клыками и глазами оленёнка. Они — «Санитары». Стирают память свидетелям, закрывают порталы в ванной и утилизируют сущностей, питающихся человеческой болью. Девиз прост: «Чистота — залог выживания».

Но что делать, когда система сама превращается в паразита? Когда хоронят живых ради «баланса», когда стажёр с солнечными веснушками рискует сам стать расходным материалом, а дух здания-штаба, Тата, устаёт держать небо на плечах?

Об этом городское фэнтези «Тата теряет терпение». Книга с чёрным юмором, бюрократической магией и пронзительной историей о выборе между клеткой памяти и дверью забвения. О том, что иногда, чтобы остаться человеком, нужно не бояться испачкаться.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Метро. Первая активация	4
Глава 2. Личное дело Полковника. Тень Ольги	17
Глава 3. Инструктаж	21
Часть 2	36
Глава 4. Рассказ Ильи. Зима	36
Глава 5. Шов над Фонтанкой	48
Часть 3	54
Глава 6. В машине. По дороге в Анапу.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тата теряет терпение

Часть 1

Глава 1. Метро. Первая активация

Светильники торчали в стене станции, как вставные зубы на штифтах. Я сбежал по эскалатору вниз, вскочил в уже закрывающиеся двери полупустого вагона метро и сел на свободное место. Женщина лет пятидесяти (в наши дни сложно понять, сколько женщине лет на самом деле) присела рядом. Аккуратно расположила тряпичную сумку на своих клетчатых брюках и, наклонившись за упавшим телефоном, как бы невзначай, деликатно подключила присоску к моей лодыжке. Энергия начала утекать. Меня затошнило, но я не выдал себя. Нужно было время, чтобы К. успел среагировать. Пальцы женщины на её левой руке сладострастно подрагивали. Ей так трудно было скрыть удовольствие.

Боже... как же мне всё это надоело. Сколько ещё ждать этого К.?! Конечно, сегодня ночью в лаборатории, все присоски с меня будут сняты, и потеря энергии будет ликвидирована. Но до ночи нужно ещё дожить.

И тут я сделал то, за что К. клятвенно обещал отстранить (уволить) меня в прошлый раз. Я повернулся к женщине и,

дождавшись, когда она почувствует мой взгляд и посмотрит мне прямо в глаза, спросил: «Вкусно?» Она оторвала свою энергетическую присоску настолько быстро и яростно, что произвела ювелирную депиляцию моей волосатой левой лодыжки, к которой крепилась её невидимая физическому глазу присоска. Я вздрогнул. Женщина молниеносно покинула вагон. Когда голос в динамике вагона произнёс: «Осторожно, двери закрываются», — я окончательно осознал, что мне конец. Теперь К. точно уволит меня. И, может быть, мне и было бы всё равно, но мои долги в материальном мире были настолько велики, что этот способ возвращения энергии был наиболее быстрым... и легальным. В отличие от остальных.

Я с тоской смотрел на своё отражение в стекле вагона с надписью «Не прислоняться». Небритая помятая физиономия, копна жёлтых волос, старая куртка и потёртый рюкзак — и вот ради этого убогого набора произошло невероятное космическое эволюционное соединение клеток? Жалкое зрелище... По иронии судьбы, то, что должно было уродовать меня ещё больше, в итоге делало более-менее привлекательным. Веснушки! На меня будто чихнул веснушчатый Бог. Всё моё лицо было раскрашено маленькими солнечными точками.

Я достал телефон и написал сообщение К. в мессенджер: «Операция провалена». На экране отразились две галочки. Прочитано. Ответа не последовало. Как будто К. именно этого и ждал от меня — провала.

Я уныло брёл домой, подумывая о поиске другой работы. Разглядывал афиши и объявления на стене. Одно из них привлекло моё внимание. В объявлении в скобках возле имени и телефона было указано: «Ученица Кота». Я восхитился котом, обучающим девушек парикмахерскому искусству.

Придя домой, я снял грязные ботинки, скинул куртку на пол и достал холодное пиво из холодильника. В тот момент, когда я ещё только начал откручивать крышку на бутылке, на моей куртке уже уверенно спал мой кот и храпел так, как будто куртка на полу под его толстым лохматым боком лежала всегда, задолго до того, как я появился в этой квартире. Иногда я завидовал самоуверенности моего кота.

Тренькнуло сообщение. Мама... Прислала мем с котятками. И анекдот про попугая в морозилке. Я вздохнул и отправил ей смеющийся смайлик. К. по-прежнему молчал. Прошло уже несколько часов. Я сидел в кресле, задрав ноги на стол, рассматривая большой палец, торчавший из дырки в полосатом носке. Пальцу было неловко, и он смущённо прятался.

* * *

В дверном проёме возник Марк. Он не вошёл, а словно втёк в прихожую, бесшумный и тёмный, как пятно нефти на воде. Капюшон был накинут, но я знал, что под ним сейчас нервно подрагивают острые треугольники ушей. Я никак не

мог привыкнуть к тому, что все члены организации могли материализоваться в любой момент и в любом месте без предупреждений и звонков. Мой испытательный срок был продлён уже в третий раз именно по причине моей неспособности запоминать правила и следовать им. Марк наверняка слышал, как бьётся моё сердце. Он слышал, как кот перестал храпеть и напрягся, чувствуя в Марке высшего хищника.

— К. не ответит, — сказал Марк. Его голос звучал глухо, но весомо, вызывая желание либо вытянуться по струнке, либо сбежать в лес. — Он занят зачисткой того, что ты поднял в метро.

Я вздохнул, чувствуя вкус горечи пива и собственной глупости.

— Я всё испортил. Спугнул сущность, а должен был удерживать её до прибытия группы захвата.

Марк снял капюшон. В тусклом свете коридора его лицо выглядело как насмешка эволюции. Когда он чуть улыбнулся, обнажив слишком белые, слишком острые клыки, меня снова пробило холодом. Но его глаза... Чёрные глаза оставались большими, влажными и бесконечно грустными. Взгляд оленёнка на морде волка. Это сочетание заставляло мозг коротить.

— Ты ничего не испортил, в этом мире всё уже давно испорчено, причём задолго до твоего рождения, — Марк прошёл на кухню, игнорируя моего кота, который шипел ему вслед, выгнув спину дугой. — Но ты её напугал. Вампиры

такого типа питаются страхом вины. Ты спросил: «Вкусно?», и она почувствовала, что ты не жертва. Ты для неё стал хищником. Это круче, чем задержание.

— Но К. сказал... — я не успел договорить.

— К. считает, что мир делится на схемы и подчиняется правилам. — Марк открыл мой холодильник, достал вторую бутылку пива и ловко снял крышку зажигалкой. — А мир делится на тех, кто ест, и тех, кого едят. Ты сегодня случайно показал зубы. Пусть они у тебя пока только в виде веснушек.

Я инстинктивно коснулся лица. Веснушки. Я всегда считал их косметическим дефектом, насмешкой природы над моей бледной физиономией. Марк подошёл ближе, и я увидел, как его зрачки расширяются, сканируя мою кожу.

— Это не просто пигментация, новичок. Это метки. Когда та тварь пыталась присосаться к твоей лодыжке, она коснулась чего-то, о чём не подозревала раньше. Твоя кровь... она немного другая. Она напитана энергией Солнца. Именно поэтому К. вообще взял тебя на работу, несмотря на твою хроническую неспособность следовать правилам и любовь к огурцам вместо настоящих боевых артефактов.

Я вспомнил свой прошлый провал, который произошёл в осознанном сновидении. По заданию К. я должен был найти паразита, законспирированного в теле животного. Всё шло хорошо, я открыл входную дверь супермаркета и сразу увидел Её. Или, вернее, Его! Сущность просвечивала сквозь физическое тело змеи. Станный способ маскировки в таком

заметном и отталкивающим теле. Ну да ладно. Это неважно. Главное, что я нашёл! Определил!

У гадюки на шкуре было вытатуировано дерзким шрифтом: «Г А Д Ю К А». Да, а так бы я не догадался, конечно. Она сидела напротив входной двери магазина и притворялась больной или мёртвой. Как только увидела меня, начала атаковать. Я выхватил из пакета с продуктами большой огурец в целлофановой упаковке и начал им отбиваться от неё. На удивление, вполне успешно. Но тут по спине пробежал холодок. Опасность! Я обернулся в полголовы, держа на прицеле огурца гадюку, и к своему ужасу обнаружил двух молодых удавов,двигающихся синхронно в мою сторону с левой и правой стороны улицы. К такому жизнь меня не готовила. Выход был только один — проснуться!

Всё это промелькнуло в моей голове за секунду.

— Огурец сработал! — возмутился я, вспомнив эту битву с Гадюкой у магазина. — Это был тактический ход.

— Это был бред, — отрезал Марк, но в его оленьих глазах мелькнуло что-то похожее на озорные искорки.

— Но ведь сработало, — я продолжал упорствовать, — паразиты не любят пестициды. Тем более магические.

Он сделал глоток, вытер пену с верхней губы. Оскал исчез, сменившись привычной маской усталости.

— Собирайся.

— Куда? Я наверняка уволен. К. меня убьёт при встрече.

— Ему для этого встреча не нужна.

Я с ужасом посмотрел на Марка.

— Не бойсь, не убьёт, если только ты сам доживёшь до утра. Та женщина в метро была не одна. Ты её спугнул, но ты же понял, что она считала всю информацию о тебе? Они знают, где ты живёшь. Кот, конечно, хороший охранник, но против того, что сейчас поднимается по лестнице, ему понадобится помощь.

Марк кивнул в сторону прихожей. Кот действительно сидел у двери и смотрел на неё так, словно видел сквозь дерево и металл нечто огромное и скользкое.

— Мы сбегает? — спросил я, чувствуя, как холодок ползёт по спине, точь-в-точь как тогда, в сновидении, перед атаккой удавов.

— Мы идём на охоту, — поправил Марк, и его уши резко дёрнулись, улавливая звук шагов на лестничной клетке. Тяжёлых, множественных шагов.

— И на этот раз огурцы оставь дома. Возьми только соль и воду. И быстро вспоминай защитную и боевую мантры.

Я посмотрел на свой дырявый носок, на палец, который всё ещё смущённо пытался спрятаться. Потом посмотрел на Марка — на этого монстра с нежной душой оленёнка, который стоял между мной и тьмой просто потому, что ему больше некуда было идти.

— А если я опять всё испорчу?

Марк улыбнулся. На этот раз это была улыбка добермана.

— Тогда я сожру их первым. А тебя... тебя я просто от-

тащу обратно из любой тьмы. У меня контракт.

За дверью послышался мерзкий звук, похожий на скрежет металла по кости. Марк погасил свет. В темноте его глаза светились слабым янтарным огнём.

— Добро пожаловать в реальную смену, — прошептал он. — И постарайся не смотреть им в глаза. У тебя для этого слишком человеческий взгляд.

Я судорожно сглотнул слюну, почувствовав спазм горла, и полез зачем-то в шкаф за старой хоккейной клюшкой. Огурец я всё же тоже решил взять. На всякий случай. В конце концов, если гадюки боятся овощей, кто знает, чего боятся эти демоны из подъезда?

Я не успел надеть ботинки. На пороге уже стояло Оно. Вернее, Они.

Три фигуры в мокрых плащах, с которых капала не вода, а какая-то чёрная жижа. Лиц не было — только гладкие овалы, на которых иногда проступали рты, полные игл, или чёрные пустые глазницы. Тяжёлые шаги, которые я слышал раньше, оказались звуком движения их множества ног. Эти существа, похожие на сороконожек, притащили с собой шлейфы своих теней, скребущие по полу. Дверь не выбили, как это положено приличным бандитам. Она просто растворилась, как сахар в кипятке. Железо превратилось в серую пыль, которая осела на коврике с доброжелательной надписью «Welcome».

— Не смотри в глаза, — напомнил Марк, хотя у них не

было глаз. — Смотри на ноги. Или на клюшку. На всё, что угодно, кроме пустоты вместо лица.

Кот орал. Это был не обычный мяв агрессивного хищника, а визг сирены воздушной тревоги. Он метнулся на шкаф, опрокинув стопку книг, и оттуда наблюдал за боем с позиции высшего командования.

Первая тварь рванула ко мне. Я ожидал боли от когтей, клыков, чего угодно. Но она просто прошла сквозь меня. Холод пронзил, обжёл внутренности, будто я нырнул в прорубь в январе. Лёгкие слиплись. Я упал на колени, клюшка выскользнула из вспотевших ладоней.

— Вдохни! — рявкнул Марк.

Он не дрался, как человек. Он словно перетекал, как эфир. В одно мгновение он был у двери, в следующее — его когти вспороли плащ второй тени. Послышался звук, похожий на лопнувшую струну. Тварь взвыла — звук был не голосовым, а вибрационным, заставившим задребезжать банки с мамиными соленьями на кухне.

Я лежал на полу, чувствуя, как жизнь уходит из меня вместе с теплом. Мысли путались. Вспомнились все мои непоплаченные долги, мои два кредита и ипотека. Вспомнилось лицо мамы. Вспомнилось, что я так и не съездил на море. «Вот и всё, — подумал я. — Испытательный срок окончен. По причине смерти».

И тут защипало лицо. Сначала легко, как от комариного укуса. Потом будто кто-то приложил к щекам раскалённые

монеты. Я инстинктивно провёл рукой по лицу и отдёргнул её — кожа горела. Тень, нависшая надо мной, замерла. Она будто почувствовала запах. Для них я был бессмысленным куском мяса. А теперь мясо вдруг стало раскалённой сковородкой.

— Вставай, — голос Марка звучал уже дальше, у окна. — Они боятся света. Твоего света.

Я посмотрел на свою ладонь. На коже остались светящиеся оранжевые отпечатки пальцев. Веснушки. Они не просто были на лице. Они активировались. Я схватил огурец. Зачем? Не знаю. Рефлексы. Я выставил его перед собой, как дубину.

— Пошли вон! Я запрещаю вторжение в моё пространство и в моё биополе! — крикнул я, и мой голос прозвучал странно, с металлическим оттенком.

Огурец в полиэтилене дрогнул. Сквозь прозрачную плёнку пробилось тусклое, болотное свечение — будто внутри тлела древняя спичка. Тени дёрнулись, их безликие овалы пошли рябью, как вода от брошенного камня. Воздух запах озоном и мокрой соломой. Солнечные метки на моей коже пульсировали в такт, выжигая контуры прищельцев. Они зашипели — звук шёл не из горла, а из самой ткани воздуха, — и рассыпались пеплом.

— Солнечная энергия, — прокомментировал Марк, вытирая чёрную жижу со своей куртки. — Я же говорил. Ты для них как ходячий ультрафиолетовый фонарь. Жаль, что

включается он у тебя пока только от стресса.

Последняя тварь — та, что прошла сквозь меня, попыталась ухватить меня за горло. Я ткнул её огурцом. Раздался звук, будто кто-то ударил по мокрому мясу. Тварь растворилась полностью, оставив после себя лишь запах озона и гнилых водорослей.

Внезапно наступила тишина. Кот перестал орать и начал демонстративно умываться, словно ничего не произошло. Дверной проём ещё зиял пустотой, но пыль уже начала собираться обратно, восстанавливая структуру дерева и металла. Магия. Организация работала быстро — следов вторжения не должно остаться и быть заметным для соседей.

Я сидел на полу, прижимая к груди дорогой моему сердцу огурец, и дышал, как загнанная лошадь. Лицо всё ещё горело. Марк подошёл, протянул руку и помог мне подняться. Его хватка была железной, но аккуратной.

— Неплохо для новичка, — сказал он. — Хотя стиль боя «овощем» мы всё же когда-нибудь сменим. Завтра получишь табельный стек. Он гораздо эффективнее.

— А как же огурец? — с прежним упрямством спросил я, глядя на моего зелёного спасителя. Он теперь был обычным. Свет погас.

— Огурец оставь как сувенир. Или съешь. В нём теперь много энергии.

В кармане моих джинсов вибрацией отозвался телефон. Я достал его дрожащими руками. Сообщение от К. «Отчёт и

объяснительная. Завтра утром, в 9:00. Кабинет 404. Не опаздывай».

Я посмотрел на Марка.

— Он уже знает?

— Он всегда всё знает, — Марк натянул капюшон. Его уши снова скрылись в тени ткани. — Ты выжил. Это главное. Теперь ты не просто стажёр. Ты — актив организации. А активы нужно беречь. Или утилизировать, если станут бесполезны.

— Спасибо за поддержку, — пробурчал я, направляясь к восстановленной за секунду металлической двери.

Мои руки всё ещё дрожали, когда я с удивлением ощупывал её.

— Не за что. Это наша работа, — Марк козырнул своему капюшону, он уже стоял в проёме, в который недавно был произведён мгновенный апгрейд моей входной двери. — Ничего не бойся. Можешь спокойно отдыхать. Атак больше не будет. Какое-то время точно.

— Какое-то время?

— Да, пока ты опять не накосячишь. Шучу. Потом всё расскажу. Сейчас ты в безопасности.

Он исчез. Просто шагнул в тень прихожей и растворился в ней, словно его и не было. Я остался один. В квартире пахло озоном. Кот спрыгнул со шкафа, подошёл к моей ноге и тёрся об неё, мурча как трактор.

Я лёг на диван, не раздеваясь. Кот устроился у меня на

груди, тяжёлый и тёплый.

— Спи, — сказал я ему. — Завтра нам рано вставать.

Кот буркнул что-то нелицеприятное в ответ. Я закрыл глаза, но спать не хотелось. В темноте под веками плясали зелёные огурцы и белые клыки Марка. А где-то в глубине сознания, там, где обычно хранятся забытые сны, тихо трещала рация, и голос диспетчера произносил: «Объект «Солнышко» активирован. Протокол «Зачистка» выполнен успешно».

Я уснул только под утро. Мне снилось, что я работаю кассиром в супермаркете, но вместо денег клиенты расплачиваются душами, а мой огурец на ленте транспортёра постоянно пытался уползти. Это было самое нормальное сновидение за последнюю неделю.

Глава 2. Личное дело Полковника. Тень Ольги

— Проходи, садись.

Я немного замялся на пороге. Но потом уверенно шагнул вглубь кабинета руководителя группы. Кабинет оказался на удивление обычным. Серые стены, стол из ДСП, запах хорошего кофе и старой бумаги. Никаких черепов на полках, никаких горящих пентаграмм. Только тихий гул компьютера и тиканье часов на стене.

— Как ты? — участливо спросил Полковник К.

— Вроде терпимо.

— А что приходится терпеть? — Полковник сидел, откинувшись в кресле, чуть склонив голову в сторону, держа ладони «домиком» вверх. Жест уверенности и экспертности, — отметил я про себя и ответил:

— Жизнь...

— Жизнь! Да, дело такое, — на его лице отразилось некое подобие искреннего интереса. — Но можно попробовать её полюбить. Хотя это непросто.

Полковник выдвинул ящик стола и достал свою курительную трубку в кожаном чехле.

— Один хороший писатель как-то сказал: «Наш мир — это юдоль скорбей, и человек создан, чтобы страдать, как

солнце — чтобы светить». Вот ты, Лёша, создан, чтобы светить. Ты мне написал, что операция провалена. Я не ответил тебе не потому, что был зол. А потому, что я всё понимаю и знаю, что тебе нужно время.

Я молча смотрел ошарашенным взглядом на шефа, не веря своему счастью. Я готовился к совсем другому разговору.

— Вот ты спрашивал меня прошлый раз, почему я терплю нашу работу. Почему не увольняюсь. Я отвечу тебе сейчас. Послушай. Может, поймёшь, почему я закрываю глаза на твои огурцы вместо боевых артефактов и на то, как ты отпускаешь вампиров в метро.

Полковник медленно, со знанием дела раскурил трубку и продолжил.

— Я тринадцать лет носил погоны. Гонял по Приморскому району с мигалками. Мне все уступали дорогу. Опьяняющее чувство. Власть, привилегии. Знаешь, что я понял, наблюдая за своими коллегами все эти годы? Я искал в милиции власть, а нашёл лишь иллюзию контроля и страх. На пенсию я вышел уже другим человеком. Последний год перед смертью моей жены Ольги я ухаживал за ней «двадцать четыре на семь».

Она была старше меня на десять лет. Я пришёл к ней в дом как друг и коллега, протянул руку помощи. А задержался на всю оставшуюся жизнь. Мы душами срослись, понимаешь? Я продал тогда свою трёхкомнатную квартиру, не задумываясь, как только у нас закончились средства на лечение и уход.

Я ни о чём не жалею и не хвастаюсь. Я понимаю, что это был максимум того, что я мог сделать. Хотя прекрасно знал итог.

Мы были счастливы, потому что благодаря этим средствам продлевали Жизнь. Максимально комфортную. Всё самое лучшее. Да, всё это очень дорого получилось. Но нам удалось купить немного времени — мы искали способы спасения самостоятельно и параллельно обследовались, пытались... Но последняя химия, к сожалению, её убила. А нам бы, как оказалось, с неё начинать надо было.

Врачи профукали диагностику. Фуфло, а не врачи, если честно. Вообще весь рак проморгали. Метастазы были, а опухоль найти не могли. Брали биопсию лёгких. Врач сказал: «Идите, гуляйте, у вас нет никакого рака». Он просто взял кусочек здоровой ткани рядом. А через год эти метастазы с 0,3 мм выросли до 2,5 мм. И дальше начался необратимый процесс. Так вот. Зачем я тебе всё это рассказываю...

Ты думаешь, эта моя история с Ольгой — случайность? Нет. В нашем мире случайностей не бывает. Есть те, кто питается чужой болью. Есть те, кто направляет руку врача. Я понял это слишком поздно. Когда она умерла, у меня не осталось ничего. Ни квартиры, ни жены, ни веры в систему. Только воспоминания и пустота. Хотя, по большому счёту, я ничего не потерял, кроме неё. Всё остальное — тлен. Но к моему ужасу жизнь в пустоте продолжалась. Говорят, что жить в прошлом долго невозможно... Врут.

Именно в эту пустоту постучались Они. Организация. Им

не нужны были маги-теоретики. Им нужен был человек, который уже видел дно ада и не сошёл с ума. Человек с военной выучкой, который знает, что такое приказ, и личной трагедией, которая сделала его невосприимчивым к боли. Они предложили мне не лекарство от смерти — его нет. Они предложили смысл. Стать тем, кто не даёт другим разрушиться от столкновения с тем, что чуть не разрушило меня. Руководить теми, кто стоит на границе. Так я стал командующим отрядом, которого не существует ни в каких списках.

Моя первая операция закончилась полным фиаско, но зато я получил колоссальный опыт в экспресс-режиме.

Так что, парень, не переживай из-за провала. Я знаю, каких людей я ищу. В твои годы я был бы в шоке, что так можно жить. Не каждому это дано.

Ты сейчас в том возрасте, когда кажется, что почти всё можно исправить. Я знаю, что нельзя. Но кто-то должен пытаться. Марк тоже когда-то был как ты. Теперь он — оружие. Ты — человек. Пока что. Это иногда полезнее. И важнее. Отдышись, отдохни пару дней. Послезавтра официально выходишь на смену. Твой испытательный срок окончен. Добро пожаловать в команду. Сейчас Лена объяснит тебе некоторые нюансы нашей работы и расскажет, кто есть кто в нашей организации.

Глава 3. Инструктаж

Лена, помощник К., выглядела как уставший офис-менеджер, который видел слишком много дедлайнов и слишком мало солнца. Она протянула старую голубую папку с потрёпанными тряпичными завязками. В наш век компьютерных технологий такие раритеты можно было встретить только на свалке или в пункте сбора утильсырья. На папке была наклейка из тетрадного листа в клетку, исписанная корявым почерком:

«Досье Организации: «Вольф Лоджистик» (Прикрытие) / Группа «Санитары» (Внутреннее название). Реальное назначение: Пограничная служба между Миром Людей и Изнанкой. Рекламный слоган: «Чистота — залог выживания» (Неофициальный: «Мы убираем то, от чего у вас волосы встают дыбом»).

— Бери, изучай! — сказала она, будто передавала мне накладную на поставку щебня. — Будут вопросы — спрашивай.

— Первый уже созрел, — я покрутил папку в руках. Бумага была шершавой, неприятной.

— Задавай.

— Вы сейчас прикалываетесь надо мной? Это что за пыльный артефакт? Вы про компьютеры и интернет не слышали ничего? Облачные хранилища? Шифрование?

Лена невозмутимо промолчала в ответ и развернулась к выходу, скрестив руки на груди.

— Ин-тер-нет, — передразнила она меня, растягивая гласные. — Тоже мне, умник нашёлся! Там всё оцифровано, да. Но это только Изнанка любит цифру. А жизнь любит то, в чём есть жизнь: Бумагу. Чернила. Кровь. В общем, изучай! Потом всё поймёшь. Я в приёмной, если понадобится. Не ори слишком громко, если найдёшь что-то пугающее.

Дверь за ней закрылась. Я вздохнул, развязал тесёмки и вытянул первый лист. Текст был написан вручную, шариковой ручкой, местами подчеркнут красным.

— «Общество с ограниченной ответственностью “Вольф Лоджистик”», — прочитал я вслух. — Утилизация отходов. Серьёзно?

— Не вслух, — голос Лены донёсся из селектора на столе. Она, видимо, слышала всё. — Читай про себя. И да, серьёзно. Мы вывозим мусор. Просто иногда этот мусор кусается.

Я перевернул страницу. «Цели и Миссия».

Герметизация разрывов: закрытие порталов, которые открываются из-за человеческих ритуалов, массовых истерий или ошибок магов-любителей.

Ликвидация паразитов: уничтожение или изоляция существ, питающихся человеческой энергией (вампиры, существа-эгрегоры, одержимые).

Соккрытие следов: обеспечение того, чтобы обычные люди списывали встречи с необъяснимым на галлюцинации,

плохую погоду или психические расстройства.

— «Санитарная обработка реальности», — пробормотал я. — То есть мы не спасаем мир?

— Голливудские сказки оставь детям, — ответила Лена, не появляясь в дверях. — Мы не герои в плащах. Мы уборщики. Герметизируем разрывы, ликвидируем паразитов. Если кто-то открыл портал в ванной во время ритуала вызова Богини любви — мы закрываем портал и стираем память соседу, который видел яркий луч света, бьющий прямо из канализации.

— А если сосед не хочет забывать?

— Тогда он становится «Контактёром». Либо вербуем, либо стираем. Живой свидетель — это риск. Ресурсом он становится, только если подписывает контракт. Как ты.

Я поморщился. «Структура Отряда».

— Так, Командование. Полковник К. — человек системы. Не маг. Мистик.

— Именно, как бы ни странно это звучало, — голос в селекторе стал чуть ближе, будто она подошла к динамику. — Его сила — в воле, опыте и понимании человеческой природы. Он знает, что монстры часто носят человеческие лица. Он договаривается с высшими силами так же, как ты договариваешься с ЖКХ. Только ставки выше.

— Ещё выше?! Ого...

— Силовой блок. Это Марк и ещё несколько ребят.

Я вспомнил его клыки и грустные глаза.

— А он вообще человек?

— Марк — оружие. Гибрид. Он чувствует врага инстинктивно. Не спрашивай подробностей про его происхождение, он не особо любит об этом рассказывать.

— Отдел Связи. Илья (оперативный псевдоним «Наушники»).

— Живая антенна. Слышит «шум» мёртвых. Обрабатывает информацию от духов, призраков и сущностей, застрявших в технике. Не звони ему ночью, у него в это время обычно аврал, кипит работа.

— Инфраструктура и Защита Периметра (Тата).

Я поднял бровь:

— «Гений Места»? Сущность, привязанная к зданию?

— Без Таты здание станет проходным двором для демонов. Она контролирует трубы, вентиляцию и защиту периметра, скрывает здание от посторонних глаз (магия невнимания). Кстати, запомни пункт 12 правил: Тата имеет вето на ремонт. Не пытайся сверлить стену в коридоре без её разрешения. Она может решить, что ты пытаешься вскрыть ей череп.

Я перешёл к разделу «Как борются с энергетическими вампирами».

— Здесь написано, что вампиры не всегда с клыками. Чаще — психические паразиты.

— Верно. Офисный планктон, который высасывает из тебя жизнь на совещаниях — это бытовая версия. Наша вер-

сия питается эфиром.

— И как их ловят?

— Выявлением. Илья слышит шум и вибрации, Марк чует запах серы, Тата видит скачки энергии. Если в офисе мигают лампы и греются батареи без причины или сбоит техника — там кто-то кормится.

«Изоляция и Нейтрализация»: Объект иногда буквально загоняется в «карман» — помещение, защищённое знаками (часто замаскированными под ремонт или декор). Или виртуально помещается в клетку.

Отключаются каналы подпитки. Например, если вампир питается страхом, его лишают жертв. Если вниманием — его игнорируют.

Мягкая нейтрализация: разрыв связи между человеком и сущностью. Ритуал изгнания. Часто требует согласия человека (что сложно).

Жёсткая: устранение носителя вместе с сущностью. Применяется, если человек необратимо изменён.

Специфическая: использование артефактов (см. специальный раздел).

— Моя легендарная битва с сущностями при помощи огурца легитимизировала огурец как артефакт?

— Зря смеёшься. Там ниже, в разделе про артефакты написано: «Огурец работает, потому что в нём скрыта сила земли, помноженная на активированную силу солнца».

— Вы что, это знали заранее?

— Нет, — Лена наконец появилась в дверном проёме, прислонившись к косяку. — Этот пункт добавлен вчера. Биология противна мёртвой энергетике. Соль, осина, чистая вода — классика физического магического мира. Магия любит простые вещи.

— А утилизация? «Энергетический мусор сжигается в печах, которые выглядят как мусоропроводы»?

— Удобно, правда? Никаких следов.

Я перевернул лист. Пока я не очень был готов к подобной информации. «Вербовка».

— «Резюме не принимаются», — усмехнулся я. — «Критерий: человек должен столкнуться с Изнанкой и выжить».

— Обычный человек сходит с ума или умирает. Ты выжил. Значит, годен.

— «У кандидата не должно быть ничего, что он боится потерять».

Я вспомнил про свои долги.

— Ну, у меня долгов больше, чем друзей. Так что я идеален.

— Предложение делается в момент кризиса. К. не спрашивает: «Хотите получить работу мечты?» Он говорит: «Вы уже мертвы. Но я даю вам отсрочку, наполненную смыслом существования». Контракт подписывается кровью (иногда буквально).

Лена с усмешкой смотрела, как я делаю вид, что меня это не смущает.

— В договоре прописано: полная секретность, подчинение приказам, отсутствие права на обычную жизнь. Испытательный срок: обычно первый выход на задание. Если выжил — принят. Если нет — списан как расходный материал. Ты выжил трижды. Поздравляю, ты принят. Если бы нет — был бы списан как расходный материал. Иногда человек буквально стирается из памяти живых.

Я почувствовал холодок. «Правила Внутреннего Распорядка». Быстро пробежал глазами несколько вполне адекватных и понятных пунктов. Пункт 4 гласил: «Если ваш напарник начал говорить голосом умершего родственника...».

Я сглотнул.

— Это часто бывает?

— Достаточно часто, чтобы правило существовало. Немедленно доложить К. и не смотреть в глаза. Одержимость начинается с взгляда.

— «Пункт 7: Кристальная вода, соль мёртвого моря и осина в складском помещении № 4. Доступ по пропускам».

Я похлопал себя по карману, где лежал огрызок вчерашнего огурца.

— Значит, мне можно носить оружие массового поражения в пакете?

— Только если оно не завёрнуто в целлофан. Магия не любит полиэтилен.

— Пункт 14: «Смерть сотрудника не является основанием для прекращения трудового договора».

Я посмотрел на Лену.

— То есть вы можете меня нанять, даже если я умру?

— Смотря как умрёшь. Есть прецедент. Дело сотрудника Ильи, сложное. Он скорее «пограничник». Но суть ты понял: работа важнее жизни.

— Пункт 28: «Не искать смысла там, где есть только работа. Мы не герои. Мы уборщики».

— Вот это запомни лучше всего, — Лена оттолкнулась от косяка и сделала шаг в комнату. — Цинизм спасает жизнь. Героизм — нет.

— А зарплата у вас высокая?

— Для живых — да. С учётом риска. Для «пограничников» вроде Ильи — оплата ритуалами стабилизации. Ему нужны энергия и спецсредства, чтобы не рассыпаться. Для К. — только пенсия и чувство выполненного долга. Источники финансирования организации — конфискованное имущество убитых существ. Иногда демоны владеют активами. Недвижимость, счета. Плюс частные заказы от тех, кто знает и понимает, что такое Изнанка. Они знают, что такая работа стоит очень дорого. И гранты от теневых фондов. Мы не бедствуем, — резюмировала Лена.

Я дошёл до последнего раздела. «Главная угроза организации».

— Рутинка... Не демоны. Не маги. Рутинка.

Лена подошла к столу и забрала папку, аккуратно сложив листы обратно. Затем положила её снова на стол на видное

место.

— Когда борьба со злом становится работой, появляется риск потерять бдительность. К. говорит: «Мир ловил и поймал всех». Понимаешь, что это значит? Мы рискуем стать частью системы, от которой должны защищать. Марк боится потерять остатки своей человечности. Илья боится исчезнуть окончательно. К. боится, что правила для него когда-нибудь окончательно станут важнее жизни конкретного человека. Хуже страха нет ничего.

Лена посмотрела на меня. В её взгляде не было иронии, только усталая серьёзность.

— А ты, Солнышко, боишься стать циником. Мы держимся вместе именно потому, что поодиночке мы обречены. У каждого есть своя слабость и свой страх. Люди, гибриды, призраки, хищники и живые здания. Вместе — мы Санитары.

Она положила передо мной контракт.

— Изучи ещё раз. И если готов, подпиши. Не кровью... пока, — она в который раз насмешливо посмотрела на меня. — Послезавтра выход на линию.

Лена развернулась и вышла. Я остался один в тишине кабинета. Посмотрел на свои руки. На веснушки, которые всё ещё слабо пульсировали под кожей.

— Уборщик, — хмыкнул я. — Мама будет мною гордиться.

Взял перьевую ручку, обмакнул в чернильницу и в поле

«Подпись» в конце контракта вывел своё имя. Чернила впитались мгновенно, будто бумага была живой.

Лена вернулась в кабинет через минуту. В руках она держала уже не голубую, а тёмно-бордовую папку. Она выглядела дороже, но была столь же потрёпанной. Уголки заломлены, словно её часто доставали и прятали обратно в спешке.

— Думал, это всё? — Лена кивнула на голубую папку «Санитаров», лежащую передо мной. — Это была инструкция по технике безопасности. А это... — она шлёпнула бордовую папку вверх первой, — инструкция по выживанию.

— Кто это? — я осторожно коснулся обложки.

Она была холодной, несмотря на тепло рук Лены.

— Наши партнёры. Конкуренты. Враги. Называй как хочешь. Официально — ГК «Инновационные Технологии Будущего». Или благотворительный фонд «Новые Горизонты».

— Звучит как типичный офисный планктон, — заметил я. — Чем они занимаются? Оптимизируют налоги?

— Оптимизируют реальность, — Лена села на край стола, закинув ногу на ногу. — Внутреннее название известно всем любителям конспирологии — «Архитекторы». Хотя старые кадры называют их «Каменотёсами». Они считают, что человечество зашло в тупик. Болезни, смерть, страдания — это баги системы.

— И они хотят выпустить патч?

— Они хотят снести систему. Их цель — «Великое Растворение». Стереть границу между нашим миром и Изнан-

кой.

— То есть впустить демонов сюда?

— Они не называют их демонами. Для них это «эволюция». Сущности дадут бессмертие, а люди станут идеальными сосудами. Они не считают себя злодеями, Солнышко. Они уверены, что спасают нас. Превращают в нечто более полезное, на их взгляд.

— Структура у них какая? Тоже подпольные ячейки?

— Нет, — Лена усмехнулась. — Они работают как современная корпорация. У них есть отделы, KPI и дедлайны. Совет Директоров — люди, которые уже частично стали сущностями. Не стареют, но давно утратили все эмоции. Поэтому им так нужны наши эмоции. Они буквально питаются ими. Отдел Развития — ритуалисты. Маскируются под бизнес-тренеров, йога-инструкторов, психологов. Внедряют ритуалы в массовую культуру. «Люби мир, и мир войдёт в тебя» — их лозунг. Для нас это смертный приговор, для них — маркетинговая кампания. Технический отдел — программисты. Создают приложения-ловушки. Видел популярный фильтр для фото, который делает глаза слишком большими? Это они. Медленно вытягивает душу через камеру смартфона.

— Вы серьёзно? — я инстинктивно накрыл камеру телефона ладонью.

— Серьёзно. Они не нападают в лоб. Они действуют через систему. Информационные вирусы, мемы со скрытыми

звуковыми сигналами. Концерты, где коллективная эмоция выкачивается в аккумуляторы.

Лена спрыгнула со стола и начала ходить по кабинету, отсчитывая пункты на пальцах.

— Теперь о главном. Почему они опасны лично для каждого из нас. Для К. они хранят запись последних минут жизни его жены. Существует код, способный запустить часовой механизм дальше — прямо с этих минут и секунд. Шантажируют: предашь организацию — вернём её сознание в тело.

— Это очень жестоко, — тихо сказал я.

— Да, но это рычаг давления. Для Марка они готовят ловушку. Хотят поймать и изучить. Он для них идеальный гибрид. Провоцируют его звериную сторону. Нам известно, что они даже подсыпали вещества в еду, чтобы он потерял контроль и перебил своих.

— А Илья? — вспомнил я про бестелесного сотрудника.

— Они могут окончательно «выключить» его. Разорвать связь с сим-картой-якорем. Охотятся за его телефоном, пытаются перехватить сигнал и сделать рабом-диспетчером в своей сети.

— Тата? — продолжил я свой допрос.

— А вот она абсолютно неподкупна. Её хотят просто нейтрализовать. Хотят захватить штаб-квартиру. Посылают строительных духов грызть фундамент. Пытаются купить здание через подставных лиц, чтобы выгнать Тату юридически. Демоны любят букву закона, помнишь?

Лена остановилась напротив меня. Её взгляд стал тяжёлым.

— А для тебя, Солнышко... Угроза — твои долги.

Я сжал челюсти.

— Они предлагают лёгкое решение. Деньги за небольшую услугу. «Просто открой дверь тем, кто постучит». Играют на неуверенности и желании быть взрослым.

— Я не продамся, — буркнул я, но голос звучал неубедительно.

— Не продашься сознательно. Они предложат «консультацию», «грант», «премию». Ты даже не заметишь, как подпишешь контракт кровью, думая, что это оферта на сайте.

— У них же есть слабости? — спросил я, пытаюсь найти хоть луч света. — У всех есть ахиллесова пята.

— Есть, — Лена кивнула. — Ресурсы у них бесконечные: клиники, IT, медиа. Они легальны. Выгнать их сложно, они обычные арендаторы. Но они зависят от структуры. Убери «голову» — Верховного Архитектора — система сразу рассыпается. Они не умеют действовать хаотично.

— Кто он?

— Виктор Сергеевич А. Бывший коллега Полковника К. Работали когда-то вместе в одной организации. Благодаря контракту с каналом X. он получил силу и бессмертие.

— И теперь хочет переписать реальность?

— Да. Под себя и свою свиту. Он всегда идеально одет, улыбка холоднее смерти, глаза слишком колкие. Зрачки не

расширяются на свету. Его цитата: «Полковник, вы защищаете клетку. Я хочу открыть дверь». Хотя на самом деле — всё с точностью до наоборот. Подмена понятий — их конёк.

— И в чем их слабость? — напомнил я.

— Отсутствие эмпатии. Они видят в людях только ресурс. Еду, грубо говоря. Смеются над самопожертвованием и подчинением правилам, при этом подло культивируют это среди простых людей. Но их магия требует строгой регламентированности. Малейшее вмешательство — как твой огурец — может сбить настройку.

— Огурец снова в деле? — я невольно улыбнулся.

— Огурец — это хаос. А они боятся хаоса. Они боятся тишины. В тишине — голоса их сущностей, живущих у них внутри — становятся слышны им самим. Поэтому они создают постоянный шум: музыка, информация, суета.

Лена вернулась на своё место и положила руки на стол.

— Война между нами — это война Памяти против Забвения. Мы храним память о том, что такое быть человеком. Со всеми страданиями. Они предлагают забыть боль ценой человеческой сущности.

— Тяжёлый выбор, — заметил я.

— Ежедневный, — поправила Лена. — Марк выбирает между зверем и человеком. Илья между покоем смерти и службой жизни. К. между шансом вернуть жену и долгом. А ты...

— А я?

— Ты выбираешь между лёгкими деньгами «Архитекторов» и тяжёлой правдой К. Они ждут ошибки. Знают: чтобы сломать систему, достаточно одного сбоя. Надеюсь, что этим сбоем станешь не ты.

Часть 2

Глава 4. Рассказ Ильи. Зима

— Пока я лечу вниз головой с семнадцатого этажа, успеваю вспомнить в деталях вчерашний день, с которого всё и началось. Трава внизу такая зелёная... Стоп. Сейчас же зима. Откуда трава? Шмяк. Голова разбивается вдребезги. Свет потух. Но история в фантомной голове продолжает звучать.

Всё началось с того, что мне позвонил водитель Гаврилов. Вернее, не так. Мне позвонил новый водитель, которому выдали сим-карту Гаврилова — того, что умер неделю назад. Так вот. У меня высвечивается имя «Гаврилов» на экране телефона, а меня нет в офисе. Я вышел по нужде и в это время как раз брёл по проломленному кафелю нашего нового офиса — филиала организации, замаскированного под обычную контору — и размышлял о высоком, как водится в таком антураже. Потом распахнул дверь, которая закрывалась на крючок из проволоки и держалась, что называется, «на доверии». К грязно-жёлтому унитазу, стоявшему на пьедестале, вели облупленные ступени из старых кирпичей. На стене туалета велась переписка — спор между любителями травы и огненной воды. Плюс немного оскорблений непри-

стойного характера.

Но самым примечательным было то, что напротив унитаза висело зеркало. Оно было закреплено на уровне колен, от пола в высоту примерно полметра. Назначение этого зеркала вызывало вопросы у новичков, но старые сотрудники знали: чтобы увидеть то, что атакует внизу, нужно успевать смотреть вниз. Раковина так же, как и унитаз, была никому не известного цвета, с забитым стоком. А дверь уборной как будто обкидали грязью изнутри.

Возле этой арт-двери интенсивно орудовала шваброй наша уборщица Галина, разговаривая при этом с кем-то по видеосвязи. Телефон стоял в тележке с тряпками и прочим хламом, который иногда шевелился сам по себе.

— Да не в психушке она была, а с сердцем плохо стало! Она же на антидепрессантах сидела, — голос Галины звучал всё ближе.

Я успел прочесть странную фразу на стене: «Нельзя увидеть Бога и не умереть» прежде чем бесцеремонно вмешался в беседу:

— Галина! Дверь в туалет здесь не закрывается, так что не заходи. Там фонит.

— О-о-ой, что я там не видела! С Гришкой моим в бане вас маленьких купала в одном корыте, — отмахнулась она.

Галина была не последним человеком на нашем предприятии. Мягко говоря. При директоре говоря. А так-то все знали, кто тут последнее слово имеет. Даже Полковник К. здо-

ровался с ней за руку.

— Прошло много лет, тётъ Галь. Многое изменилось.

Выйдя из этого храма убогости, я ещё раз вмешался в обсуждение подруги Галины с другой подругой Галины.

— Фух, сегодня без камней.

— О, дурак дураком... Нашёл над чем шутить.

Я был рад, что Галину вызвали в экстренном порядке из отпуска на следующий день после нашего переезда в эти развалины соцреализма. Только ей было под силу воссоздать чистоту и порядок из полного хаоса, в том числе и астрального.

Когда я вернулся, Лёха, наш новенький стажёр (будущий Солнышко, хотя тогда я ещё не знал его прозвища), сказал мне:

— Тебе звонил Гаврилов.

А дядя Миша, автомеханик, который чинил не только обычные машины, но и левитационные модули, в этот момент уже выходил из «офиса» и открыл дверь на улицу, в которую сразу ворвались клубы морозного воздуха. Они его чуток подзастудили, так я подумал тогда. Потому что он так и застыл, повернулся, глаза выпучил и странно глядит на стажёра из-под своих лохматых седых бровей.

— Ну, прикрой дверь, не лето, чай! — крикнул ему я.

А он тут и говорит:

— Гаврилов же умер. Он что, с того света звонит?!

— Не к добру это, — помотал своей поредевшей шевелю-

рой дядя Миша. — О чём-то он нам сигнализирует. Предвестник он!

— Не болтай ерунды! Остолоп старый! Не пугай молодёжь, — вмешалась вошедшая вслед за мной уборщица Галина.

Она первая, кстати, заметила, что при переезде пропала дяди Мишина кружка с надписью: «Лучший Зять». Она, правда, потом нашлась в подсобке, но осадок всё равно остался. Вещи в нашем офисе имеют свойство уходить в астрал, если хозяин теряет хватку.

— Это кто остолоп?! Я остолоп?! — проревел грозно (как ему казалось) дядя Миша.

— А ты тут не груби! Нам грубиянов не надо! Мы тут сами грубияны, — отрезала Галина, и в её голосе звенела сталь.

Дальнейшее развитие событий (как пишут в романах) два свидетеля излагают по-разному. Версия Галины: «Много пены, мало пива. Столько кипения — и всё ушло в свисток». Версия дяди Миши: «Я просто устал. И не люблю спорить с дураками. Вернее, с дурами». В общем, закончилось всё мирно в этот день, если не считать моего падения с левитационного модуля.

Насчёт моего падения важно знать одно. Это не был несчастный случай. И, Боже упаси, не самоликвидация. Это была спланированная спецоперация. Когда Полковник К. узнал о звонке Гаврилова, то сразу вызвал меня к себе. Гаврилов сигнализировал, что система выбрала и назначила на

должность нового связиста между мирами — меня. Полковник просто должен был выполнить приказ. И я. Меня должны были перевести в особенное состояние, в другой режим. В общем, долго объяснять. Если коротко, это что-то вроде радиоприёмника, но с дополнительным функционалом. Вариантов было три — электричество, механический удар или заклятье с ритуалом. Если честно, я бы предпочёл третий вариант. Но Полковник засомневался в его эффективности. Так как, с его слов: «Этот способ может не вызвать доверия у некоторых категорий сущностей». Поэтому сделано всё было максимально натуралистично. Я просто «упал» с испытательного левитационного модуля.

Летел я долго. Слишком долго для семнадцати этажей. В полёте успел понять главное: умирать — это не только темно. Это ещё и громко. Звон битого стекла, треск хребта, а потом — тишина, в которой слышно, как кто-то перелистывает твою личную папку. Но не стоит сильно переживать за меня. Моё тело будет восстановлено. Через какое-то время. Полковник пока не может сказать, когда именно. Так вот...

Я ударился. Раздробил всё, что можно раздробить. Но не умер. Вернее, умер технически. На мониторах в реанимации частной клиники «Тишина», куда меня перевезли, через сорок минут три линии стали ровными. Сразу же в этот момент меня подключили к аппарату, который в отчётах числится как «Система нейро-якорения», а я называю «арендой квартиры в этом мире». Моё физическое тело лежит сейчас

в палате без окон, в коконе из трубок, катетеров и капельниц. Сердце бьётся в ритме насоса. Лёгкие надуваются по таймеру. А моё «я» здесь. В здании. В швах. В эхе. Я завис между «был» и «есть», потому что К. нужен был связист.

Иду на кухню варить кофе. Конечно, пить кофе сейчас — это не вполне те ощущения, как когда есть физическое тело, но есть в новом существовании своя прелесть. Надеюсь, Гаврилов больше не позвонит. Мне он уже дико надоел за эти дни. Но, к своему изумлению, обнаруживаю сидящего на кухонном табурете небритого мужика в синей спецовке. Он полупрозрачный, словно плохой сигнал телевидения.

— Ты кто, мужик? — спросил я, хотя уже догадывался.

— Гаврилов... Это я тебе звонил сегодня и вчера.

— Так это же как бы не можешь уже быть ты. Девять дней уже как... Вроде твой срок вышел.

— Я. Так это работает. Телефон — это якорь. Пока симка активна, я на связи, — он грустно улыбнулся. — Это известная ситуация, когда вина ищет наказания. Я не успел отчитаться за последний рейс.

Я посмотрел на свои руки. Они немного дрожали, словно картинка с плохой частотой кадров.

— Чего тебе опять надо, Гаврилов?

— Предупредить. Марк сегодня ночью выйдет на след. Скажи ему, чтобы не лез в подвал без страховки. Там не змеи. Там сегодня кое-что пострашнее — то, что ест змей.

Гаврилов растворился в воздухе, оставив после себя ку-

паж ароматов озона и бензина. Я посмотрел в окно. Двадцать третий этаж. Земля далеко. Но я не боялся высоты. Формально у меня сейчас нет тела. Я боялся только одного — что Полковник К. решит, что мой контракт истёк, и перестанет платить за аренду моей квартиры в этом мире.

Я достал телефон и написал сообщение в общий чат: «Гаврилов выходил на связь. Предупреждение для Марка». Ответ пришёл мгновенно. От К.: «Принято. Илья, не забудь отметить в журнале после заката. И кофе много не пей, он тебе вреден».

Я убрал телефон. Кофе быстро остыл. Наверное, из вредности.

Я сидел на кухне, глядя на остывший кофе. Гаврилов растворился, оставив после себя стойкий запах озона, но ощущение присутствия кого-то ещё не исчезало. Оно было тёплым. Как будто кто-то включил обогреватель прямо у меня за спиной.

— Вы решили шутить? — спросил я в пустоту, понимая уже, чьи это проделки.

— Мы и не прекращали, чтобы решить начать, — ответил голос.

Не из динамика телефона. Из носика чайника.

Пар над носиком сгустился, формируя смутный силуэт. Тата материализовалась на табурете напротив. Сегодня она выглядела почти на сто процентов реальной: рваные джинсы, растянутая оранжевая кофта, босые ноги, пальцы кото-

рых слегка касались пола, словно вращая в потёртую плитку пола.

— Наталья Петровна, скажите честно, зачем нам зеркало почти на самом полу? Оно там чтобы не мешать вам бесцеломонно проходить сквозь стены? — спросил я. — Признайтесь, его там специально для вас установили?

— Зеркало там для них, — кивнула она на пол. — Для тех, кто выползает из-под пола. А я не прохожу сквозь стены. Я и есть стены. Гений Места, так меня зовут, если вы ещё не знаете. Гений Соцреализма, — поправила она сама себя и скривилась. — Ужасная архитектура. Но уютная. Как старьё ботинок. Гений Места не выбирает архитектуру так же, как и человек — своё тело.

— Наталья Петровна, вы сегодня не в духе? — спросил я Тату, улыбаясь и радуясь её внезапному проявлению.

— Да! Я сегодня хочу убить всех своих коллег-метёлочников! Силов нет! Один нестабильный эмоциональный фон и больше ничего!

— Что плохо сделали метёлочники? — я напустил притворную серьёзность. Тата сегодня была очаровательна.

— Царапаются, — Тата поджала ноги. — Новые щётки. Бестолковые абсолютно. Учить и учить! К тому же ещё и синтетика. Электризуются. Мне щекотно даже в вентиляции. Я хочу их сжечь.

— Полковник К. не одобрит. Нам ведь нужно чем-то убирать отбросы в лаборатории.

— К. многого не одобряет. Но он знает, что, если я уйду в забастовку, лифт начнёт падать. А нам это надо? Особенно тебе.

Она посмотрела на меня. В этот момент её глаза вспыхнули тем самым оранжевым цветом. Тёплым, как мякоть апельсина. Видно было, что она очень довольна своей шуткой.

— Ты ведь веришь в Божий промысел, — сказал я, цитируя её же слова из нашей прошлой беседы.

— Я верю в то, что держит эти кирпичи вместе. Иначе бы этот сарай рухнул ещё в девяностых. А он стоит. Значит, есть сила.

— Хм, я не в курсе, ведь мы знакомы только второй день.

— Я знаю тебя с момента, когда ты ударился о землю. Здание видело. Я видела. Твоя душа зацепилась за мой фундамент. Поэтому ты здесь. Поэтому я с тобой говорю.

Тата протянула руку и коснулась моей чашки. Кофе мгновенно стал горячим.

— Ты спросил вчера, в чём бы я пошла на утренник про женские права.

— Помню. Ты ответила, что в костюме Клары Цеткин.

— Врала, — стыдливо вздохнула Тата. — Я бы пошла в костюме Смерти. Это более честный символ эмансипации. Этот костюм из фильма Ренаты Литвиновой «Последняя сказка Риты», в котором она же играет смерть. Мне кажется, он бы мне больше подошёл. Там у неё шикарный кокошник и чёрное платье с перьями воронов.

— Нет, я не видел это фильм. Но Клара Цеткин тоже звучит гордо, — я помолчал, не зная, что ещё добавить, и потом спросил: — Почему ты говоришь мне правду о себе только сейчас? Вчера ты сказала, что личные вопросы — это неэтично.

— Потому что ты теперь свой. Мертвец с пульсом. Тебе можно доверять. Остальные... — она махнула рукой в сторону коридора, где праздновали успешное возвращение бригады с задания. — Остальные слишком шумные. Тот, с ушами... от него пахнет зверем. Я не люблю зверей в доме. Они портят проводку.

— А я ничего не порчу?

— Ты? — она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то до боли родное. — Ты просто ведёшь себя иногда как трещина в фундаменте. А трещины нужно мониторить. Теперь ты важное звено в логистической цепочке организации.

— Спасибо, что не в пищевой.

— Пищевая цепочка тоже. Кто-то же должен кормить тебя в подвале, чтобы они не вышли на улицу.

— Гаврилов сказал, что Марк сегодня ночью пойдёт в подвал.

— Гаврилов что-то слишком много болтает для мертвеца, — Тата соскочила с табурета. Её ноги на секунду стали прозрачными, и я увидел сквозь них шахматную плитку пола. — Пусть идёт. У него есть клыки. А у меня есть контроль над дверями.

Она подошла к окну, глядя на ночной город.

— Знаешь, почему я сказала про оранжевый цвет?

— Почему?

— Потому что, когда ты упал... здесь, внутри стен, что-то щёлкнуло. Тепло пошло. Мне стало не так одиноко в этом бетоне. — Она обернулась. Лицо было серьёзным, без привычной иронии. — Так что не умирай, пожалуйста, окончательно, — она улыбнулась. — Мне нужен кто-то, с кем можно поговорить про Клару Цеткин. Иначе я правда сожгу всех этих пустозвонов-метёлочников. И тогда К. будет очень недоволен.

Я молча смотрел, как пар от остывающей астральной лужицы на стуле, где недавно сидел Гаврилов, медленно растворяется в вытяжке. Гаврилов исчез, но его слова эхом отдавались в висках. Улетучиваясь, он сказал: «Теперь ты почти такой же, как я».

— Мне очень страшно умереть окончательно, — тихо сказал я, не поднимая глаз.

— Что? — Тата замерла, её босая ступня зависла над плиткой. — Страшно умереть не телом, а духом, — строго сказала она.

— Не знаю. Я уже не здесь, но ещё не там. Как это будет, когда просто стираешься, как старая запись. Оставляешь симку, но все забывают твой голос... Забавно.

Она медленно опустилась обратно на табурет. Оранжевая кофта чуть дрогнула, словно ветер прошёл сквозь бетон.

— Дух не умирает, Илья. Он ржавеет. Как старая батарея на лестничной клетке. Но ржавчину можно оттереть. Пока есть кому тереть. И пока есть кто-то, кто помнит, как выглядело железо до того, как стало трухой.

Она подошла к окну ещё раз, глядя на ночной город.

— Страшно умереть на небесах. Остального не бойся. Пока мы дружим, с тобой здесь всё будет в порядке. Это же Моё Место.

Я задумался и не заметил, как Тата растворилась в воздухе, оставив на столе мандарин.

Чистый, без кожуры, разделённый на дольки. Я взял одну. Она была тёплой. На дверце микроволновки мигнуло сообщение от Таты: «P. S. Водку я не пью. Но за твоё здоровье выпью машинного масла. Не благодари».

Я посмотрел на дверь кухни. Где-то там Марк готовился к охоте, К. планировал новую операцию, Лена давала последние наставления Солнышку.

А я сидел на кухне старого здания, которое оказалось настоящей девушкой, и ел тёплый мандарин.

— Нет, привлекаете, — тихо сказал я в пустоту, вспоминая её вопрос, заданный в первые минуты нашего знакомства. Тата тогда спросила меня: «Я вас отвлекаю?»

Стены едва заметно провибрировали в ответ. Похоже, она слышала. На дверце микроволновки появился смеющийся смайлик. Определённо слышала.

Глава 5. Шов над Фонтанкой

Я старательно заполняю журнал. Увлекательно управлять экраном и клавиатурой силой мысли.

Оперативная сводка группы «Санитары».
Объект: НБ-7 (Женщина, 55 лет). Локация:
Горсткий мост. Агент на задании: Марк
(Силовой блок). Статус: Мониторинг фона.
Примечание: Уровень эхо-фона превышен в
10 раз. Эмоциональный всплеск объекта уже
привлекает «падальщиков».

Я отложил клавиатуру. Забавно, конечно, звучит для привидения. Но да, я варю кофе, играю на клавишах фортепиано. Просто это немного по-другому. Не так, как когда есть физическое тело.

Этим утром понедельника казалось, будто все бегут из города. Как в американских фильмах, когда вот-вот произойдёт катастрофа. Скопление машин на дороге, гул клаксонов, толпы спешащих людей на тротуаре, сбивающие друг друга плечами. Между пешеходами снуют электросамокаты, на педали велосипедов нажимают люди разных возрастов, пола и комплекции. Все в своих пузырях, все куда-то спешат. Как

будто в этой жизни можно куда-то успеть.

Через час-другой мир чуть замедляется. Я наблюдаю в психоэфире, как Марк идёт по деревянному Горсткинскому мосту. Останавливается, смотрит на воду. С интересом наблюдаю, как шевелятся его большие уши под капюшоном. Парень думает, что капюшон их скрывает. Наивный. Почти как я. Марк — хороший на самом деле, хоть и выглядит жутко и пугающе иногда. Хороший... Так и про меня можно сказать. Я давно заметил, что часто люди говорят: «Ты хороший». Взамен: «Ты мне не интересен». Забавно.

Над Фонтанкой висит большое симметрично растянутое серо-белое облако. На бликующих на солнце волнах вальсируют компактные изящные катера. В них гости и жители города, любят прекрасными видами с воды. Кажется, что Марк заряжается этой радостью и покоем. Вдыхает воздух своими полужверинными ноздрями, чувствует благодать.

И тут, как всегда бывает со мной, мир спешит представить свою другую сторону. Рядом с набережной, на нагретом солнцем асфальте, вороны быстрыми резкими и уверенными движениями начинают дербанить (или, как говорят в приличном обществе, расчленять) мёртвого голубя, по очереди отрывая куски свежего мяса в перьях.

В пяти метрах от Марка появляется мужчина в серой невзрачной куртке. Он словно возникает из ниоткуда, резко останавливается. В его руке, скрытой рукавом, тяжёлый металлический лом. Он делает шаг вперёд, и воздух вокруг

него становится холоднее. Он бьёт концом лома по асфальту. Тихо, почти беззвучно. Лом входит в реальность, как ключ в замок. Там, где вороны рвали мясо, пространство на мгновение рябит, словно горячий асфальт, и затем выравнивается. Вороны взмывают в небо с карканьем, но мясо голубя исчезает — оно было не физическим. Это была приманка. Маяк. Мужчина убирает лом, поправляет воротник и растворяется в толпе, так и не взглянув на Марка.

Корректировщик отработал. Его имени и судьбы не знает никто в организации, даже для меня стоит защита от этой информации. Не тот уровень допуска. Осталось закрыть шов. Это уже работа Марка.

Женщина стоит на мосту спиной к Марку. Но он отлично «слышит» благодаря мне, о чём она думает.

Как раз в то время, когда Лёша (не могу называть его Солнышко — это очень дико звучит для меня) вместе с Леной, Здравяком и ещё несколькими ребятами выезжают из офиса ликвидировать аномалию в Анапе, я делаю следующую запись в журнале:

**«Объект НБ-7: Воспоминание объекта
загружено. Шум: Высокий. Травма
зафиксирована. Риск: Формирование
устойчивого канала для сущностей горя.
Решение: Изоляция воспоминания. Применение
протокола «Забвение» (частичное)».**

Теперь я ясно вижу и слышу то, что происходит в психоэфире. Слышу, как натянулся шов между миром живых и мёртвых. Слышу, как боль вибрирует уже и на частоте 432 герц, как тоска оставляет след в статике, как незакрытые обещания превращаются в магнит для того, что питается чужим распадом.

Я слышу её. И слышу его. Имя всплывает в эфире, как обломок со дна: Ваня.

«Ваня, ты же обещал мне вернуться домой. Где ты?»

«Обещал, мам. Я просто... свернул не на ту улицу».

«На какую не ту улицу? Что за глупости?»

Обрыв. Щелчок. Тишина, которая весит тонны.

Я набираю код на клавиатуре. Отправляю сводку наверх. Моя задача не утешать. Моя задача — слышать и передавать сигнал дальше.

Я также вижу, как в соседнем кабинете Полковник К. уже получил и изучил мой отчёт.

Он сидит за массивным столом, заваленным папками. Перед ним лежит личное дело женщины с Горсткина моста. Он знает, что её травма — это открытая дверь. Портал. И эту дверь уже не закрыть молитвами.

К. берёт со стола тяжёлый штамп. Чернила в нём густые, почти чёрные, с лёгким запахом старой бумаги, ладана и меда. Это не обычная канцелярия. Это Печать «Инкогнито».

Он опускает штамп на страницу с протоколом наблюдения. Красный оттиск ложится поверх её имени. Теперь для любой сущности, любого демона или случайного мага она станет «фоновым шумом». Её боль не будет пахнуть свежей кровью для хищников Изнанки. Её воспоминания будут защищены бюрократией магии — реальность примет их как данность, как обыденность, лишив их магнитной силы для паразитов.

— Чистота — залог выживания, — бормочет К., закрывая папку. — Мы не спасаем её. Мы просто делаем её невидимой для того, что её убьёт.

Он откладывает печать. Для неё жизнь продолжится. Сегодня она будет сидеть в темноте на балконе в одиночестве, слушать пьяные песни на улице и думать: «Как хорошо, что я одна». Но она не одна. За её спиной стоит Организация, которая только что поставила печать на её судьбу.

А пока... Вороны ловко орудуют клювами, как наточенными китайскими палочками для еды. Ветерок нежно раскачивает жёлтые цветы в траве, слышно умиротворяющее журчание воды в фонтане и чистый смех ребёнка. Женщина не знает, что сегодня её кто-то спас. Она просто чувствует, что ночь стала чуть безопаснее, чем могла бы быть.

Но в эфире я всё ещё слышу эхо. Не её. Его. И его вибрации настолько необычны, что мне очень хочется получше рассмотреть его. Но на нём тоже стоит гриф «Секретно».

Кто этот Ваня? Как бы его разыскать?

Я набираю внутренний номер. Связь идёт без помех.

— Марк. Ты слышал имя?

— Слышал. Тебе не стоит переживать, падальщики не доберутся до него. Организация надёжно спрятала его.

Марк стоит у перил моста. Закрывает глаза. Вдыхает. Воздух пахнет речной тиной и почему-то жареным орехом. Он различает нити. Одна тянется вглубь города, к спальным районам. Другая — вниз, в воду. Третья... третья ведёт туда, где карты заканчиваются и начинаются протоколы.

Я могу видеть и слышать практически всех сотрудников организации в любое время и в любом месте. И только Тата проявляется в психоэфире исключительно тогда, когда сама пожелает. А мне хотелось бы видеть её чаще. Это не справедливо. Жизнь у привидений тоже не сахар. В общем, вот что я хотел сказать.

Часть 3

Глава 6. В машине. По дороге в Анапу.

Асфальт под колёсами служебной «Лады» плавился, превращая дорогу в липкую чёрную ленту. В салоне пахло пылью, остывшим кофе и тем самым сладковатым озоном, который всегда предупреждал: Изнанка близко. Но до Анапы было ещё четыреста километров, и пока единственной аномалией здесь был только стажёр Лёша.

— Лёша, ты на какой заправке бензин залил? — голос Старшего группы звучал ровно, но в этой ровности пряталась сталь. Машина периодически дёргалась и чихала.

Солнышко, сидевший на заднем сиденье и нервно теребивший красный шнурок на запястье, спросил:

— А что такое?

— Двигатель странно гудит.

— Теоретически там не совсем бензин. Я долил немного шаманской воды. Вода, освящённая местным шаманом на растущую луну, не только повышает КПД двигателя, но и создаёт микрополе невнимания. Меньше вероятность попасть в пробку или на проверку ГИБДД.

Лена, листавшая на коленях планшет с картой аномальных фонов, медленно подняла взгляд. Её глаза, обычно холодные и расчётливые, сейчас выражали только одно: безмерную усталость от человеческой глупости.

— Лёша, — произнесла она тихо, — ты залил в бензобак воду?

— Отзывы проверены в тематическом чате «Эзотерика и логистика»...

Не договорил. Мотор «Лады» вдруг издал звук, похожий на стон умирающего зверя. Капот дёрнулся. Из-под него повалил густой белёсый пар, мгновенно смешиваясь с жарким августовским воздухом. Стрелка температуры прыгнула в красную зону и замерла там, как надгробие.

— Приехали, — прорычал Старший, сворачивая на обочину.

Машина встала. Двигатель затих, оставив после себя только шипение остывающего радиатора и едкий запах горелой резины. Здоровяк, сидевший рядом с Леной, молча расстегнул ремень безопасности, толкнул дверь и вышел. Через минуту его тяжёлый силуэт возник у капота.

— Ну? — спросил Старший, не выходя из салона.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.